

попечителя по решению А.Л. Потапова, занявшего генерал-губернаторский пост, то М.В. Юзефович, опираясь на поддержку того же Потапова, ставшего уже шефом жандармов, добился в 1876 г. ликвидации в Киеве центра украинофильской пропаганды.

В последнем разделе («Народностей много, собственность одна») раскрываются особенности «дворянского консерватизма» — от ожесточённой полемики «полякующей» скарятинской «Вести» со славянофилами и «Московскими ведомостями» до А.Д. Пазухина, по словам Котова, в 1880-х гг. «сумевшего окончательно “встроить” основные тезисы дворянского консерватизма в рамки катковского направления» (с. 271). Здесь же характеризуются позиции Р.А. Фадеева, К.Н. Леонтьева и др.³

В заключении Котов констатирует, что «мало кто из условных “консерваторов” XIX века был противником *развития* России», а «многие из них в молодости прошли через увлечение либеральными или даже левыми идеями» (с. 279). Более того, и в ходе их споров относительно «моделей государственного строительства» в пореформенные годы «оттачивался тезис о “природном” русском демократизме», подхваченный впоследствии П.А. Столыпиным. Впрочем, по

мнению автора, «трансформация из сословной империи в национальное государство была одним из аспектов переживаемой Россией “буржуазной” модернизации» (с. 282).

Монография А.Э. Котова вносит значительный вклад в изучение отечественной общественно-политической мысли второй половины XIX в. Можно лишь сожалеть, что при её подготовке в текст попали досадные опечатки и в ней появились киевский «генерал-губернатор П.В. Анненков» (с. 150) и «левоярусный» (вместо «львояростный») М.Н. Катков (с. 152). Тем не менее профессионализм автора, его эрудиция и собранный им материал возвращают в историографию забытые имена и делают данную книгу необходимой для исследователей русского «консерватизма».

Примечания

¹ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870—1890-х гг. (опыт ведения общественной дискуссии). СПб., 2010; Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013; Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х гг. СПб., 2016.

² «Под каким соусом нас съедят»: русский антинигилистический памфлет второй половины XIX века / Сост. А.Э. Котов. СПб., 2019.

³ См. также: Иванов А.А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016.

Олег Айрапетов

Образцовая публикация*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The way it's supposed to be

DOI: 10.31857/S086956870015479-7

Профессор Л.Г. Захарова любила повторять слова своего учителя

П.А. Зайончковского о том, что на подлинное научное бессмертие исто-

* Кедров М.А. Моя автобиография. 1878—1933 гг. / Вступ. ст., коммент. Д.Ю. Козлова, Л.И. Петрушевой, В.А. Болтрукевича; при участии Е.В. Балуткиной и Ю.Г. Орловой. М.: Квадрига, 2020. 300 с.

рик может рассчитывать лишь при подготовке справочной литературы или издания источников, важных для последующих поколений исследователей. Разумеется, при условии таковой их публикации, которая обеспечивает читателей всем необходимым не только для чтения и понимания текста, но и для полноценной работы с ним.

Группа учёных из Института российской истории РАН под руководством доктора исторических наук Д.Ю. Козлова осуществила именно такой труд. Выпущенную ими книгу открывает блестящий источниковедческий очерк заведующей архивохранилищем ГА РФ по истории Белого движения и эмиграции Л.И. Петрушевой. Ей удалось кратко и ёмко описать историю фонда М.А. Кедрова и документов, которые были использованы при подготовке к печати его автобиографии. При этом, правда, не обошлось без распространённой в наше время идеализации «России, которую мы потеряли», и «белой» эмиграции. Так, с сожалением говорится о том, что власти держав-победительниц «не предоставили благоприятных условий для проживания на их территории даже представителям военной эмиграции» (с. 10). Но почему они должны были их создавать? И как, если совсем ничего не делалось, не менее 20% русских эмигрантов, оказавшихся в Европе, нашли себе новый дом в той же Франции? Кстати, обескровленная, в том числе и в финансовом отношении, республика взяла на себя содержание русской эскадры, приняв корабли (с. 9), которые ей, мягко говоря, были не нужны. Увы, требовательная любовь редко бывает взаимной.

Автобиография Кедрова, в строгом смысле слова, не является воспоминаниями, и в ней почти нет особо ценных сведений, которых нельзя было бы обнаружить в других материалах. Она даёт скорее рамочное

описание основных событий в жизни адмирала, для понимания их значения читателю понадобятся обширные познания, и тут незаменимую помощь ему окажут комментарии. Их объём вполне сопоставим с текстом самого источника. Если автобиография заняла в книге чуть более 43 страниц (с. 19—63), то комментарии к ней — 32 (с. 64—96). Кроме того, значительная, если не большая, часть тома отведена под 37 приложений — это 15 документов из РГА ВМФ и ГА РФ (выписки из аттестаций, послужной список, сведения о плаваниях Кедрова, отзывы о нём, приказы, отрывки из дневников и писем и т.п.), фрагменты из мемуаров современников, а также статьи из таких эмигрантских периодических изданий, как «Военная быль», «Морской журнал», «Часовой», «Возрождение» и «Русские новости» (с. 98—202). Весьма содержательны и краткие биографические справки о 98 лицах, упоминаемых в текстах источников (с. 203—250). Публикаторы, без сомнения, провели большую работу.

Первое, что буквально бросается в глаза при чтении записок Кедрова, — его везение, благодаря которому ему только в русско-японскую войну трижды чудом удалось избежать смерти. Флаг-офицер вице-адмирала С.О. Макарова, он не погиб на броненосце «Петропавловск» лишь потому, что случайно оказался в тот день на миноносце «Боевой». Перейдя в штаб контр-адмирала В.К. Витгефта, он служил на броненосце «Цесаревич», участвовал в сражении в Жёлтом море и остался в живых на открытом мостике во время взрыва 12-дюймового снаряда. Вылечившись после ранения, он попал в эскадру З.П. Рожественского, где получил назначение на броненосец «Император Александр III», который погиб вместе со всей командой в Цусимском сра-

жении. Однако буквально накануне Кедрова перевели на вспомогательный крейсер «Урал», который также потонул, но большая часть его команды спаслась на транспорте «Анадырь», гружённом взрывателями для торпед и умудрившемся уйти из Цусимского пролива и, обогнув Японские острова, добраться до французского Мадагаскара, а затем вернуться в Либаву (с. 21—23). Так везло далеко не всем.

Межвоенный период Кедров очертил очень кратко, хотя и отметил, что большая война застала его в «кипучей деятельности» (с. 26). Только благодаря комментариям и приложениям (с. 147, 160) читатель может судить о том, каковы были настроения адмирала летом 1914 г. Его участие в Первой мировой войне, к сожалению, описано столь же скупо, хотя он был свидетелем и участником весьма важных и интересных событий. В 1914—1915 гг. Кедров представлял Русский флот на Grand Fleet'е и находился в распоряжении адмирала Дж. Джеллико, ему поручались дипломатические миссии в Норвегии и Швеции. В 1915—1916 гг. он командовал дредноутом «Гангут», где при нём произошли волнения, которые сам автор назвал «бунтом», — эпизод, конечно, экстраординарный. Кедров изложил его на двух страницах (с. 32—33) — почти столько же сказано им о Цусимском сражении или о сотрудничестве с англичанами в начале войны.

Судя по всему, Кедров так и не смог изжить обиду. По его словам, он добился блестящих результатов по показателям стрельбы, борьбы за живучесть, манёвров и т.п. Но стоило ему сойти на берег, чтобы «размять ноги» после долгого пребывания на дредноуте, как на корабле начались выступления матросов «против немцев». Формально причиной беспорядков стала требовательность, проявленная старшим офицером после погрузки угля и помывки корабля. Разумеется, старший

лейтенант барон О.Б. фон Фитингоф оказался жертвой разжигаемых страстей. Тем не менее морской министр И.К. Григорович отстранил Кедрова от командования кораблём. И это решение вполне соответствовало нормам «Морского устава», согласно которым именно командир отвечал за всё на вверенном ему корабле и, «неослабно поддерживая воинскую дисциплину», обязан был «содержать постоянно корабль и команду в совершенной исправности»¹. Если корабль действовал в составе эскадры, командиру следовало как можно реже покидать его и запрещалось ночевать на берегу без разрешения флагмана². Старший офицер был лишь «главный помощник командира по управлению кораблём и непосредственный блюститель дисциплины»³, и ответственность за его действия нёс Кедров. О правовой стороне дела в «Автобиографии» он умолчал, хотя ему, конечно, были хорошо известны положения «Морского устава».

Между тем обидевшийся офицер через старого друга флаг-капитана императора генерал-адъютанта адмирала К.Д. Нилова обратился за поддержкой к Николаю II. И царь не только вернул его на «Гангут», но и произвёл в контр-адмиралы с оставлением в Свите (с. 34). Во всей этой более чем сомнительной истории Кедров особенно гордился тем, что не позволил себе критиковать «у государя своих начальников и министров, да и государь никогда бы и не допустил такой с моей стороны бестактности» (с. 34). К сожалению, этому двусмысленному моменту комментаторы автобиографии не уделили должного внимания, хотя они довольно критически оценивают и тщательно проверяют встречающиеся в ней утверждения (в частности, об успехах минных постановок и т.д. (с. 80)).

В главах, посвящённых революции и Гражданской войне, чувству-

ются антибольшевистские настроения Кедрова. Впрочем, на Балтийском флоте падение монархии сопровождалось такими эксцессами (с. 39—40), что из старшего командного состава радоваться происходившему мог только возглавивший флот вице-адмирал А.С. Максимов, «который братски целовался и приветствовал свободу»⁴. С первого же дня своего командования он заявил о том, что всю жизнь был революционером, ждал «этого часа освобождения и дождался»⁵. Получив в начале марта титул «адмирала революции»⁶, Максимов постоянно говорил о свободе и радости её обретения. Этот демагог вызывал у Кедрова особое и вполне понятное отвращение (с. 42). Сам же он под руководством А.И. Гучкова пытался тогда спасти то, что ещё было возможно, и тех, кому мог помочь. Получалось это не очень удачно.

Особый интерес у читателя, условно, вызовет глава, посвящённая организации эвакуации армии барона П.Н. Врангеля из Крыма и последующему существованию «белого» русского флота. В эмиграции умирали не только люди, но и корабли (с. 46—59). Эскадра Черноморского флота нашла себе последний приют в Бизерте, а сам адмирал — в Париже. Его жизнь в 1933—1945 гг. удачно раскрывается в приложениях. В них образ Кедрова дан в развитии и получился более полным. «Автобиография» всё же вышла несколько лапидарной. К тому же она составлялась исключительно по памяти и, как справедливо отмечают публикаторы, имеет значительное количество «фактографических ошибок, неточностей и лакун». Более того, она зафиксировала, по сути, те представления, которые сложились у адмирала к июню 1933 г., когда он завершил работу над текстом. Между тем они продолжали развиваться и меняться. Всё же Ке-

дров являлся не только военным, но и высокопоставленным членом РОВС, которого в обзоре Иностранного отдела ОГПУ называли «морским Кутеповым» (с. 171). Точнее, он пытался играть роль политика в изгнании. Не следует забывать, что русская эмиграция «первой волны», по точному наблюдению профессора Д. Ливена, почти всю жизнь прожила «на чемоданах». И Кедров не был исключением. В частности, он долго не хотел принимать французское подданство, «надеясь ещё послужить своей Родине» (с. 60—61), хотя это мешало ему занять должность инженера и обеспечить себе достойный достаток.

Эмигранты ожидали возвращения — сначала триумфального, потом — какого получится и с кем придётся. Предпочтение, разумеется, отдавалось французам и англичанам, но рассматривались и другие варианты: японцы, финны, поляки, румыны, китайцы «молодого маршала» Маньчжурии, союз европейских стран во главе с А. Гитлером. Хотя, конечно, идти «с кем придётся» соглашались далеко не все. Тем не менее во время нацистской оккупации Парижа, по свидетельству генерала П.Н. Шатилова (коллеги Кедрова по РОВС), адмирал поддержал идею дать «нечто вроде письменной присяги на верность Хитлеру» и даже стал одним из первых её подписантов (с. 197). Однако это не помешало ему правильно оценить в 1945 г. победу Советского Союза, пересмотреть свои взгляды, осудить коллаборационистов и приветствовать победителей (с. 198). Думается, тут сказались не только политические расчёты и настроения, господствовавшие в освобождённой Франции весной и летом 1945 г. Как и множество русских военных, Кедров не мог не признать успехи Красной армии, и перед смертью он сделал это. Искренне или нет — сейчас трудно сказать. Но сделал он это публично.

Публикация появилась в результате большой работы авторского коллектива во главе с Д.Ю. Козловым. Она образцово подготовлена и, безусловно, найдёт и читателя, и исследователя, которому будет весьма полезной.

Примечания

¹ Морской Устав 1885 года. СПб., 1885. Ст. 240. С. 92—93.

² Там же. Ст. 273. С. 105.

³ Там же. Ст. 340. С. 135.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчёты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года / Под ред. П.В. Волобуева. Т. 1. Л., 1991. С. 171.

⁵ Д.А. День 4 марта на крейсере // Военная быль (Париж). 1959. № 34. С. 7.

⁶ Утро России. 1917. 16 марта. № 72. С. 1.

Владимир Булдаков

Революция и театр, революция как театр*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Revolution and theater, revolution as theater

DOI: 10.31857/S086956870016235-9

Увесистый том начинается словами: «Эта книга — исследование по истории русской революции». Звучит неожиданно, однако в полной мере соответствует исследовательскому пафосу автора. Взгляд на революцию через её отражения, особенно в театральной жизни, историографически и эпистемологически давно назрел. Однообразные «политические» интерпретации революционного хаоса становятся познавательны бесплодными в силу утраты «живых людей» и новых идей.

В данной монографии речь идёт не только и не столько о самом театре, о котором и без того написано немало. Автор предлагает взгляд на революцию из театра, точнее, из бывших императорских театров. Их в России существовало пять: Александринский, Мариинский, Михайловский в столице, Большой и Малый в Москве. Они всегда играли роль своеобразно-

го камертона театральной жизни, а в 1917 г. невольно стали частью революционного действия. Возник по-своему символический парадокс: бывшим «придворным» театрам предстояло выжить в предельно взбаламученной среде в качестве государственных сценических площадок. Это открыло возможность взглянуть на революцию из «иного» — всё ещё непривычного — измерения.

Исследование Гордеева разделено на четыре главы. В первой показано, как революция вторглась в размеренную театральную жизнь, выдвинув новых людей, претендующих на её реформирование. Во второй передаётся та сумбурная атмосфера, в которой делались попытки выработать «театральную конституцию», способную удовлетворить естественное стремление творческих людей к автономному существованию (привычно оставаясь при этом под крылом власти). Третья

* Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. Изд. 2, испр. и доп. СПб.: РПГУ им. А.И. Герцена, 2020. 856 с.